

Царь и церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій.

XVI и XVII столѣтія нашей исторіи невольно обращаютъ на себя вниманіе обиліемъ соборовъ не только земскихъ, для которыхъ особенно первая половина XVII вѣка считается золотымъ временемъ, но и соборовъ церковныхъ, которые были въ указанныя столѣтія особенно часты, а потомъ, со времени учрежденія Св. Синода, прекратились вплоть до настоящаго времени, когда церковно-соборной жизни суждено повидимому возродиться вновь. Въ общественно-политической жизни сейчасъ совершается великій важный переворотъ, всѣ послѣдствія и все значеніе котораго трудно и предвидѣть. Новыя возникшія у насъ общественныя теченія, проявившіяся съ такою необычайною силою, естественно и неизбѣжно затронули и нашу церковную жизнь, такъ тѣсно всегда связанную у насъ со всею жизнію общественною и государственною. Пробудившееся общественное самосознаніе, въ лицѣ вѣрующихъ и преданныхъ интересамъ церкви ея сыновъ, обратило вниманіе на наши церковные порядки и стало находить, что нашъ современный церковный строй, все наше церковное управленіе, наша церковная жизнь вообще, во многомъ ненормальны, несогласны съ духомъ и характеромъ истинной церковной жизни, что и тутъ, какъ и въ сферѣ общественно-политической, многое нужно измѣнить, исправить и прямо перестроить на новыхъ истинно-церковныхъ началахъ, и что обновленіе нашей церковной жизни должно совершиться какъ можно скорѣе. Высшая государственная власть признала полную законность и справедливость стремленій общества обновить

и перестроить нашу церковную жизнь, только предоставила это сдѣлать не современному Св. Синоду или наспѣхъ собранному изъ однихъ епископовъ собору, а настоящему всероссійскому будущему собору.

Итакъ, параллельно переустройству нашей общественно-политической жизни, должно совершиться обновленіе и переустройство всей нашей церковной жизни на будущемъ всероссійскомъ соборѣ, — это вопросъ уже рѣшенный. Естественно, какъ только вопросъ о созывѣ будущаго всероссійскаго собора окончательно былъ рѣшенъ, немедленно явился другой вопросъ: на какихъ основаніяхъ и какъ именно будетъ перестраивать нашу церковную жизнь будущій всероссійскій церковный соборъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и было устройство при Св. Синодѣ предсоборныхъ комиссій, въ составъ которыхъ вступили лица, вызванныя по усмотрѣнію оберъ-прокурора и по указаніямъ и рекомендаціямъ членовъ Св. Синода, намѣчавшихъ при выборѣ конечно только лицъ имъ желанныхъ, нужныхъ и угодныхъ, могущихъ, по характеру, направленію и свойству ихъ работъ и настроенности, служить отраженіемъ и подкрѣпленіемъ тѣхъ желаній, стремленій и интересовъ, какими воодушевлены высшія правительственныя церковныя сферы, въ настоящее время управляющія дѣлами церкви.

Переустройство нашей церковной жизни и, прежде всего, переустройство нашего церковнаго управленія, должно совершиться, заявляютъ, на прочныхъ каноническихъ началахъ, которыя не были, по крайней мѣрѣ во всей полнотѣ, соблюдены при учрежденіи нашего Св. Синода. Съ этимъ согласны всѣ, и потому предсоборныя комиссіи исходной точкой своихъ работъ прежде всего полагаютъ извлеченіе каноническихъ основъ и началъ изъ постановленій и правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, руководственное значеніе которыхъ признано православною церковію, чтобы на этихъ началахъ и основахъ построить все наше будущее церковное управленіе и всю церковную жизнь. Но здѣсь сей часъ же встрѣчаются и серьезныя затрудненія. Древніе каноны можно понимать и толковать очень различно, почему они даже въ старой Византіи имѣли нужду въ особыхъ толкователяхъ и передатчикахъ ихъ примѣнительно къ пониманію и требованіямъ позднѣйшей жизни. Вполнѣ

естественно поэтому, что и наши современные канонисты не рѣдко очень расходятся между собою въ пониманіи и толкованіи различныхъ каноновъ и особенно въ рѣшеніи того, что нужно и можно по канонамъ и что нѣтъ, а это, конечно, сильно колеблетъ безусловное довѣріе къ извлеченію ими неизблемыхъ каноническихъ началъ для перестройки современнаго строя нашей церковной жизни. Съ другой стороны, всѣ древніе каноны возникли и извѣстнымъ образомъ формулировались по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, извѣстнаго времени, имѣли въ виду удовлетворить опредѣленныя нужды и запросы современной имъ церковной жизни. Служа по своему общему характеру и направленію выраженіемъ духа и разума вселенской Христовой Церкви, они въ то же время были не отвлеченныя формулы и схемы, лишеныя реального историческаго содержанія, а для данной жизни и времени—живые, реальные, дѣйствительные законы, рассчитанные на то, чтобы упорядочить и устроить современную имъ, опредѣленную церковную жизнь. Съ этой стороны они являлись продуктомъ извѣстнаго момента церковно-исторической жизни, порожденіемъ извѣстныхъ историческихъ условій и обстоятельствъ, а потому они, особенно въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ, своимъ такъ сказать историческимъ содержаніемъ, конечно не могутъ быть во всемъ и точно прилагаемы къ совершенно другому времени, къ другимъ совѣмъ историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ, къ другимъ запросамъ, нуждамъ и т. под. Это соображеніе слѣдуетъ имѣть въ виду тѣмъ болѣе, что внѣшнія особенно формы строя своего управленія, своихъ учреждений, ихъ взаимоотношеній и орудій дѣятельности, церковь всегда устрояетъ въ соотвѣтствіи съ формами и строемъ того государства, среди котораго она существуетъ и дѣйствуетъ, такъ что не государство приспосабливаетъ свой строй, отношенія и пр. къ порядкамъ церковнымъ, а наоборотъ: порядки и учрежденія церковныя приспосаблиются къ порядкамъ и учрежденіямъ государственнымъ, почему перемѣны въ послѣднемъ, всегда вызываютъ соотвѣтствующія перемѣны и въ порядкахъ церковныхъ. И это понятно. Если въ извѣстномъ, напримѣръ, государствѣ строго послѣдовательно, сверху допизу, проведенъ всюду демократическій принципъ, если въ немъ всюду царить избиратель-

ное начало, а въ то же время въ церковномъ управленіи и во всей церковной жизни всецѣло господствуетъ принципъ бюрократическій, то несомнѣнно эти два порядка не могутъ долго существовать рядомъ, и одинъ изъ нихъ обязательно долженъ уступить мѣсто другому, причемъ обыкновенно церковный строй всегда уступаетъ государственному. Въ виду этаго недостаточно еще, для реформы нашей современной церковной жизни, извлечь изъ соборныхъ правилъ и постановленій каноническія начала и основы, тѣ нормы, по которымъ мы должны строить нашу церковную жизнь, а необходимо еще предварительно посмотрѣть: подойдутъ-ли эти нормы подъ нашу современную жизнь. Въдѣ русскій народъ, его прошлая историческая и настоящая современная жизнь, условія его духовнаго и самаго религіозно-церковнаго развитія, вся его культура и пр. могутъ быть совершенно иныя, нежели какія были въ старой Византіи, и то, что хорошо и пригодно было тамъ, можетъ быть не совсѣмъ хорошо и не вполне пригодно для насъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ хорошо сшить платье человѣку по мѣркѣ, снятой съ другаго, не подходящаго къ нему ни по росту, ни по породству,—въдѣ такъ сшитое платье нельзя будетъ и надѣть.

Конечно извлеченіе принциповъ, началъ и нормъ изъ древнихъ каноновъ для благоустроенія нашей современной церковной жизни, дѣло само по себѣ хорошее и совсѣмъ не лишнее, но подъ тѣмъ лишь необходимымъ и обязательнымъ условіемъ, если тщательно и по возможности всесторонне будетъ изучена и русская церковная жизнь въ ея историческомъ прошломъ и современномъ настоящемъ, чтобы всѣмъ было очевидно и понятно, насколько и въ какомъ видѣ нормы, созданныя жизнью другаго народа за тысячу слишкомъ лѣтъ до насъ, дѣйствительно пригодны и приложимы къ нашей жизни. Никакъ нельзя опускать изъ виду и того немаловажнаго обстоятельства, что наша собственная церковная жизнь началась не сей часъ, а имѣетъ свою очень длинную почти тысячелѣтную исторію, въ которой она тоже строила свое церковное управленіе, свои церковныя нормы и отношенія, при которыхъ она жила и дѣйствовала какъ истинная церковь Христова, какъ неразрывная часть православной вселенской церкви, вела ко спасе-

нію во Христѣ души своихъ многочисленныхъ пасомыхъ, вносила свѣтъ Христова ученія въ среду невѣрующихъ племенъ и т. под. Въ виду этаго, казалось бы, ближе и естественнѣе начать реформу нашей современной церковной жизни съ изученія именно ея собственнаго прошлаго, и въ немъ прежде всего искать указаній какъ на наши сильныя, такъ и на наши слабыя церковныя стороны, вскрыть истинныя причины этихъ явленій, чтобы избѣгнуть повторенія прежнихъ ошибокъ, и найти вѣрные пути неблагоустроенное замѣнить благоустроеннымъ, отжившее новымъ здоровымъ и сильнымъ, и чтобы въ ней т. е. въ самой же русской церковной жизни найти и развить силы, способные создать христіански цвѣтущую народную церковную жизнь. Во всякомъ случаѣ при добросовѣстномъ и не тенденціозномъ знакомствѣ съ нашимъ собственнымъ церковнымъ прошлымъ, оно многому и очень многому можетъ научить насъ при реформѣ современной церковной жизни, можетъ предохранить насъ отъ тѣхъ невольныхъ ошибокъ, въ которыя мы иногда впадаемъ единственно только въ силу нашего недостаточнаго знакомства съ нашимъ же собственнымъ прошлымъ.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить и то, что Духъ Святыи, дѣйствовавшій на соборахъ древней Византіи, былъ присущъ и тысячелѣтней почти жизни русской церкви, что Онъ присущъ ей и сей часъ, и что поэтому она, руководясь общимъ духомъ и разумомъ вселенскихъ каноновъ, воодушевляемая тѣмъ же вѣчно живымъ и дѣйствующимъ Духомъ Божиимъ, который, конечно, не закончилъ на всегда своей творческой зиждительной дѣятельности на созданномъ имъ въ древней Византіи,—русская церковь и сама можетъ на своихъ соборахъ создавать для себя нужныя, полезныя и необходимыя ей, по условіямъ даннаго времени и обстоятельствъ, церковныя нормы и правила, пусть не всегда и не во всемъ согласныя съ нормами и правилами отжившей древности, но за то согласныя съ ученіемъ Христа и Апостоловъ, съ общимъ духомъ и разумомъ вселенскихъ каноновъ, и вполне удовлетворяющія религіозно-церковнымъ нуждамъ и потребностямъ нашей современной жизни. Если бы наша современная церковная жизнь была во всемъ только копіей и точнымъ воспроизведеніемъ жизни древней Византіи, то тогда конечно все созданное для благоустройства

тогдашней византійской церковной жизни цѣликомъ можно было бы прилагать и къ намъ. Но разъ этого нѣтъ, то и нельзя безъ особаго насилія надъ своею собственною церковною жизнію, и можетъ быть во вредъ ей, только копировать въ своихъ реформахъ отжившую византійскую старину.

Одною изъ самыхъ поучительныхъ для настоящаго времени страницъ родной нашей церковной старины служатъ церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій, которые, повидимому, въ полной мѣрѣ осуществляли собою идею соборнаго церковнаго управленія, а въ тоже время съ замѣчательною наглядностію убѣждаютъ въ томъ, чего нужно избѣгать и что нужно дѣлать, что бы нашъ будущій всероссійскій соборъ былъ истиннымъ настоящимъ соборомъ, а не одною только формою и видимостію собора.

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій можно подраздѣлить на три группы: на соборы *избирательные*, на соборы *неполные* съ ихъ подраздѣленіемъ на меньшіе и большіе, и на соборы въ собственномъ смыслѣ или *истинные*, какъ ихъ иногда называли современники ¹⁾.

¹⁾ Встрѣчается еще группа соборовъ, которые въ нѣкоторыхъ актахъ называются *вселенскими*. Такъ въ грамотѣ патріарха Іова (1598 г.) къ казанскому митрополиту Гермогену, объ избраніи царемъ Бориса Годунова, говорится: „и мы, смиренный Іовъ патріархъ московскій и всея Руси, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены съ соборными съ честѣйшими старцы, и совсемъ освященнымъ *вселенскимъ* соборомъ, и бояре, и князи, и дворяне всякіе, и приказные люди, и діаки, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ московскаго царства, и гости о томъ совѣтовали“. (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 70, стр. 144). Въ 1614 году послана была къ волжскому казачьему войску соборная грамота отъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и всего освященнаго *вселенскаго* собора“ (А. Э. III. № 25). Не трудно видѣть, что соборы называются вселенскими потому, что на нихъ были представители всѣхъ классовъ общества, начиная съ духовенства и по возможности представители отъ всѣхъ областей Руси. Соборы эти были не церковными, а занимались дѣлами общегосударственнаго значенія и потому эти вселенскіе соборы правильнѣе называть *земскими*, какими они были въ дѣйствительности. Такой вселенскій соборъ т. е. земскій избиралъ, напримѣръ, на царство Михаила Фёдоровича (Собр. госуд. грам. и дог. т. I, стр. 619, 628, 631 А. Э. т. р. II, № 7, стр. 19, 24, 28 и др.).

Указанные три группы соборовъ различаются между собою по предметамъ ихъ занятій и по ихъ значенію въ церкви, и только отчасти по своему составу, такъ какъ послѣдній для различныхъ группъ могъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, одинаковъ, почему составъ собора не всегда можетъ служить точнымъ критеріемъ для отличія одной группы соборовъ отъ другой.

Мы выдѣляемъ прежде всего въ особую группу соборы, которые имѣли своею исключительною задачею выборъ и поставленіе первоіерарха русской церкви, а такъ же выборъ и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ, почему и называемъ эту группу соборовъ избирательною. Признать эти соборы особою группою побуждаетъ насъ то обстоятельство, что они были въ дѣйствительности одною лишь формою, не имѣвшею никакого соборнаго содержанія т. е. соборной собственно-дѣятельности, такъ какъ на нихъ не было никакихъ обсужденій и разсужденій, не дѣлалось никакихъ соборныхъ постановленій, не писалось никакихъ соборныхъ актовъ,—это были соборы только по названію. Но это еще не все. На избирательныхъ соборахъ въ дѣйствительности не было никакихъ выборовъ, такъ какъ первоіерарховъ и всѣхъ вообще епископовъ у насъ избиралъ только государь, а не соборъ. Если на дѣло выборовъ, на примѣръ въ патріархи, смотрѣть только чисто съ внѣшней и формальной стороны, то покажется, что въ патріархи какъ будто избиралъ соборъ, такъ какъ сохранились извѣстія, что сначала освященный соборъ избиралъ кандидатовъ въ патріархи, обыкновенно трехъ, а потомъ уже отправлялся къ царю и предлагалъ ему изъ трехъ намѣченныхъ лицъ избрать одно по своему усмотрѣнію. Такой именно характеръ избранія патріарха соборомъ и царемъ повидимому подтверждается нѣкоторыми даже соборными свидѣтельствами. Въ 1665 году патріархъ Никонъ выразилъ желаніе добровольно оставить патріаршество и соглашался на поставленіе ему преемника, если приняты будутъ предлагаемая имъ условія, между которыми находилось и такое, чтобы его преемникъ былъ избранъ „не по власти міра сего“ т. е. не царемъ, а церковнымъ соборомъ, независимо отъ царя. На это щекотливое предложеніе Никона, хорошо знавшаго дѣло, соборъ епископовъ, созванный для разсмотрѣнія предложеній Никона и составленія на

нихъ отвѣтовъ, сказали слѣдующее: „священный соборъ на сіе отвѣща: яко же древле содѣвашеся о избраніи патріарха московскаго,—царское величество некромѣ священнаго собора избираше, такоже и священный соборъ помощи требоваше у царскаго величества о избраніи патріаршескомъ,—такъ и нынѣ: егда благоволитъ Богъ избранію быти святѣйшаго патріарха московскаго; тогда благочестивый царь и священный соборъ *купно да изберутъ* мужа вѣрна, суща въ православіи“¹⁾. Отвѣтъ собора очень дипломатиченъ и представляетъ дѣло такъ, что патріархъ всегда избирался „купно“ царемъ и священнымъ соборомъ, при чемъ ни одна сторона при избраніи не перевѣшивала другой. Но неумолимые историческіе факты рѣшительно говорятъ противъ такого идиллическаго представленія о выборѣ у насъ патріарховъ—купно благочестивымъ царемъ и священнымъ соборомъ. Такъ первый патріархъ Іовъ, еще ранѣ собранія церковнаго собора, былъ предъизбранъ государемъ и боярскою думою, и уже въ предварительныхъ съ константинопольскомъ патріархомъ Іереміею переговорахъ выставлялся какъ будущій московскій патріархъ. Собранный же потомъ церковный соборъ, на предложеніе царя избрать патріарха, отвѣтилъ такимъ характернымъ заявленіемъ: „что они (отцы собора) полагаются на волю его—благочестиваго государя“, т. е. соборъ формально отказался отъ выборовъ патріарха, предоставивъ это дѣло исключительно усмотрѣнію и волѣ государя, какъ это всегда потомъ и было. Лжедимитрій низложилъ патріарха Іова и на его мѣсто велѣлъ поставить своего избранника—грека Игнатія. Шуйскій, низвергнувъ Лжедимитрія, низложилъ Игнатія, и на его мѣсто поставилъ патріархомъ своего сторонника—Гермогена. Польская боярская партія низложила Шуйскаго и вмѣстѣ его ставленника патріарха Гермогена, и на мѣсто его снова возвела ранѣ низложеннаго Игнатія, но тотъ скоро совсѣмъ бѣжалъ изъ Москвы. Тогда патріаршій престолъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставался не занятымъ, пока не возвратился изъ плѣна отецъ государя Филаретъ Никитичъ, который и сдѣлался патріархомъ. Никонъ, какъ извѣстно, избранъ былъ въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что подтверждаетъ и слѣдующая современная событію замѣтка; „того жъ (1652) году,

¹⁾ Дѣло о патріархѣ Никонѣ, стр. 245.

іюля въ 25 день, по изволенію Божію *и по избранію* государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича самодержца всея Русіи *з'бояры* и со всѣмъ вселенскимъ соборомъ поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархи ноугородцкій и великолутцкій митрополитъ Никонъ“¹⁾. Соборъ 1660 года постановилъ изложить Никона и немедленно назначить ему преемника, какъ скоро на избраніе новаго патріарха государь дастъ свое богомудрое и преимущественное согласіе *съ своимъ преизящнымъ синклитомъ*“²⁾. Очевидно патріархи избирались только царемъ, который объ этомъ дѣлѣ совѣтывался и съ своимъ преизящнымъ синклитомъ т. е. съ боярскою думою. Впрочемъ соборъ архіереевъ открыто и прямо отказывался отъ выбора патріарха, предоставляя это дѣло исключительно государю, и такъ поступалъ онъ не только въ указанномъ нами случаѣ: при выборѣ перваго патріарха Іова, но и въ послѣдующее время. Когда въ 1672 году умеръ патріархъ Іоасафъ II-II, то 5 іюля государь велѣлъ, ранѣе имъ созданнымъ въ Москву епископамъ и другимъ властямъ, явиться къ нему въ столовую палату. Когда они пришли, „великій государь изволилъ властямъ говорить, что бы на патріаршескій престолъ избрали они кого всѣмъ освященнымъ соборомъ. И власти, вставъ, великому государю говорили: что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ ты, великій государь, укажешь“. Въ виду такого отвѣта властей государь заявилъ собору, что „мы соблаговоляемъ и соизволяемъ“ быть патріархомъ новгородскому митрополиту Питириму, котораго соборъ и поставилъ въ патріархи. Когда въ 1690 году, 17 марта, умеръ патріархъ Іоакимъ, то 23 августа государи пригласили къ себѣ архіереевъ, архимандритовъ и весь освященный соборъ т. е. бѣлое духовенство: „и великіе государи говорили архіереемъ, о избраніи патріарши. И власти великимъ государемъ говорили: что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ они, великіе государи, укажутъ: Государи, посовѣтовавшись съ архіереями, указали на Казанскаго митрополита Адріана, который и былъ поставленъ патріархомъ“³⁾.

¹⁾ Чт. общ. ист. и древн. 1905 г. кн. III, смѣсь, стр. 26.

²⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 108.

³⁾ Дворцовые разряды, дополненіе къ 3 му тому, стр. 447 и т. IV, стр. 578.

Понятно почему древне-русскіе епископы даже сами такъ рѣшительно отказывались отъ соборнаго избранія патріарховъ и предоставляли это дѣло всецѣло государю и его боярской думѣ. Московскій патріархъ былъ тогда слишкомъ важное, видное и вліятельное лицо, не только церковное, но и государственное. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ царю лицъ, съ которыми государь совѣтывался какъ о дѣлахъ церковныхъ такъ и государственныхъ. Царь и патріархъ видѣлись почти постоянно, такъ какъ царь обязательно присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ патріаршихъ службахъ. Никонъ какъ на одну изъ причинъ неожиданнаго оставленія имъ патріаршаго престола указывалъ на то обстоятельство, что царь не сталъ ходить къ тѣмъ службамъ, которыя совершалъ патріархъ, откуда онъ—Никонъ и заключилъ, что царь на него гнѣвается. Цари очень часто приглашали на свои обѣды патріарховъ, а патріархи царей. Въ Дворцовыхъ разрядахъ постоянно встрѣчаются такія замѣтки: „того жъ дни ѣлъ у государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а съ нимъ власти, а столъ былъ по грановитой палатѣ, а у стола велѣлъ государь быть боярамъ и околничимъ всѣмъ безъ мѣстъ“; или: „того жъ дни ѣлъ у государя святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а столъ былъ по столовой избѣ“. Такія же записи встрѣчаются когда государь обѣдалъ у патріарха: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи, а у стола были бояре и околничіе, всѣ безъ мѣстъ“; или: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Русіи“ ¹⁾. При такой такъ сказать постоянной и исключительной личной близости царя и патріарха, при ихъ почти ежедневномъ общеніи естественно было, что кандидата въ патріархи всегда избиралъ царь, избиралъ лицо ему хорошо извѣстное и пріятное. Странно было бы, при такихъ условіяхъ, предо-

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 17, 20, 66, 86, 88, 107, 110, 115, 118, 128, 144, 149, 152, 158, 218, 225, 226, 266, 286, 322, 326, 329, 333, 342, 343, 347 и др.

ставить выборъ въ патріархи собору, а не царю, такъ какъ соборъ могъ выбрать такое лицо, съ которымъ бы царь не могъ и не пожелалъ бы имѣть того постоянного близкаго общенія, какое онъ обычно имѣлъ съ патріархомъ. А это могло бы повести даже къ неожиданнымъ осложненіямъ и столкновеніямъ, какъ это и случилось, когда патріархъ Никонъ разошелся съ царемъ, причемъ недоразумѣнія между царемъ и патріархомъ несомнѣнно неблагоприятно отражались бы на всемъ ходѣ церковныхъ дѣлъ, а въ извѣстной степени и на дѣлахъ государственныхъ. Вообще патріархъ, не пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя, не имѣлъ бы, самъ по себѣ, должнаго значенія и вліянія и въ церкви и въ государствѣ. Какъ ненормально тяжело было положеніе патріарха, не пользовавшагося расположеніемъ царя, это хорошо видно изъ тѣхъ горькихъ заявленій, какія своимъ приближеннымъ дѣлалъ патріархъ Іосифъ въ послѣднее время своего патріаршества: „перемѣнить меня, говорилъ онъ, скинуть меня хотятъ; а буде и не отставятъ, я самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. При такихъ условіяхъ, очевидно, патріарха могъ избирать не соборъ, а только государь, при томъ изъ лицъ, которыя ему были нужны и которыя ему нравились; собору вмѣшиваться въ это дѣло было неудобно и на его долю только приходилось смиренно заявлять: „что о такомъ великомъ дѣлѣ (выборѣ патріарха) какъ ты, великій государь, укажешь“.

Но если патріарха всегда избиралъ только царь, то что же значать тѣ извѣстія, которыя говорятъ, что кандидаты въ патріархи избирались на соборахъ, а царь избиралъ только изъ числа лицъ, намѣченныхъ соборомъ? Дѣло тутъ происходило, по нашему мнѣнію, такъ: царь, заранѣе намѣтивши извѣстное лицо въ патріархи, сообщалъ объ этомъ, до соборанія собора, одному или нѣсколькимъ архіереямъ, которые на соборѣ обязательно и вносили въ число кандидатовъ указанное царемъ лицо, а къ нему, ради соблюденія формальности, присоединяли еще двухъ лицъ, и этихъ трехъ кандидатовъ соборъ представлялъ государю съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ изъ нихъ одного по своему усмотрѣнію. Понятно, что государи всегда избирали то именно лицо, какое они уже ранѣе предназначили въ патріархи, благодаря чему

и получалось такое впечатлѣніе, какъ будто въ патріархи избиралъ соборъ купно съ государемъ, тогда какъ въ дѣйствительности избиралъ только одинъ государь. Все дѣло соборовъ въ этихъ случаяхъ состояло въ томъ, чтобы соборно признать и церковно поставить въ патріархи то именно лицо, которое изберетъ государь.

Не только патріархи, но и всѣ епархіальные архіереи московской Руси тоже избирались не соборомъ, не патріархомъ, не паствою, а государемъ. Извѣстный протопопъ московскаго Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ говорилъ Никону патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ (царскимъ духовникомъ), и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, и въ архимандритахъ, и въ митрополитахъ. А которые богомольцы *посланны государемъ* блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, *по его государеву совѣту*, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: „неаксіось, сирѣчь недостойнъ“ ¹⁾. Изъ этихъ словъ Неронова ясно видно, что кандидатовъ на митрополичьи, архіепископскія и епископскія кафедры, даже кандидатовъ въ архимандриты, игумены и протопопы, конечно на болѣе видныя и вліятельныя мѣста, избиралъ царь, а патріарху только приходилось посвящать указанныхъ или присланныхъ къ нему царемъ лицъ. Про свое время патріархъ Никонъ такъ писалъ константинопольскому патріарху Діонисію: „нынѣ бываетъ (на Руси) вся царскимъ хотѣніемъ: егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избирати и поставити архіереемъ,—избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати,—и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“. Въ своихъ отвѣтахъ Паисію Лигариду Никонъ заявляетъ, что царь велитъ избирать и поставлять въ архіереи только тѣхъ, „его жъ любить“ ²⁾. Благовѣщенскаго мо-

¹⁾ Матер. для исторіи раскола, т. I, стр. 110.

²⁾ Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 526 — 527. Рукопись нашей акад. библ. № 218, л. 184 об.

сковскаго собора дьяконъ Ѳеодоръ, какъ очевидецъ, рассказываетъ, что въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, ставили въ архіереи на Вологду Симона, игумена Свирскаго монастыря. Его рекомендовалъ царю митрополитъ Крутицкій Павелъ. Во время поставленія Симонъ, при чтеніи имъ Символа вѣры, прочелъ по старому „рожденна, а не сотворенна“. Тогда, рассказываетъ Ѳеодоръ, „не хотѣ его царь поставить во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; не хочу его азъ! И поиде съ мѣста своего. Павелъ же льстецъ припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никако, государь, нѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію, царь же возвратился на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“ ¹⁾. Очевидно выборъ и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ въ древней Руси зависѣлъ отъ царя, который могъ остановить даже самый начавшійся актъ церковнаго поставленія, если почему нибудь поставляемое лицо показалось ему неудобнымъ.

Причины почему государи московской Руси держали въ своихъ рукахъ выборъ епархіальныхъ архіереевъ, объясняются тѣмъ особымъ своеобразнымъ положеніемъ, какое епископатъ занималъ въ древней Руси, и которое необходимо ставило его въ полную безусловную зависимость во всемъ отъ государя.

Епископы московской Руси не были только духовными архипастырями, заботившимися о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, но и очень важными, съ обширными правами и полномочіями, государственными чиновниками, управлявшими цѣлыми обширными областями, владѣвшими съ соподчиненными имъ монастырями очень значительными землями и множествомъ крестьянъ, причемъ имъ, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, принадлежала въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права вѣзжать въ архіерейскія владѣнія. Дворъ и вся обстановка архіерея московской Руси напоминали скорѣе владѣтельнаго

1) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 229—239.

князя, чѣмъ смиреннаго духовнаго архипастыря и преемника Апостоловъ, такъ какъ у него, подобно князьямъ, были свои бояре, дѣти боярскіе, дворяне. Цѣлый огромный штатъ разныхъ чиновъ изъ служилыхъ людей постоянно наполнялъ его дворъ и окружалъ его при всѣхъ входахъ и выходахъ. Въ его распоряженіи, какъ органы его архіерейской власти, были, его собственные бояре, дворецкіе, дѣяки, тіуны, десятильники, недѣльщики, праветчики, доводчики, волостели, кравчіе, чашники. Въ старое время у московскаго митрополита былъ даже свой полкъ, который являлся на войну вмѣстѣ съ княжескими войсками и имѣлъ своего особаго—митрополичьяго воеводу. Полкъ новгородскаго владыки составлялъ нѣчто самостоятельное и, кажется, не всегда подчинялся общему главнокомандующему. Подобно владѣтельному князю епископъ московской Руси, чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей, управлялъ не только своимъ домомъ совсѣмъ его обширнымъ и сложнымъ хозяйствомъ, своими обширными землями, судилъ и рядилъ своихъ многочисленныхъ крестьянъ, но чрезъ нихъ же управлялъ и своею громадною епархіею, всѣмъ подчиненнымъ ему духовенствомъ, которое, по отношенію къ своему епархіальному архіерею, было тяглымъ, податнымъ сословіемъ, такъ какъ оно облагалось въ пользу епископа извѣстными податями, которыя собирали съ него архіерейскіе служилые люди, творившіе при этомъ судъ и расправу надъ самымъ духовенствомъ по всѣмъ дѣламъ. Словомъ епископъ московской Руси изъ архипастыря церкви, по всей обстановкѣ и характеру своей жизни и дѣятельности, превратился въ большаго, богатаго и очень властнаго мірскаго чиновника, и притомъ такъ, что чиновникъ почти совсѣмъ затиралъ въ немъ образъ духовнаго архипастыря. Естественно было поэтому, что высшая свѣтская правительственная власть т. е. государь, уступая епископу свои административныя, судебныя и финансовыя права надъ извѣстными землями и крестьянами, позволяя ему облагать податями въ свою пользу все епархіальное духовенство, судить его во всемъ и управлять имъ, какъ тяглымъ сословіемъ, позволяя ему, какъ владѣтельному князю, имѣть своихъ собственныхъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ и вообще свѣтскихъ служилыхъ людей, приглашая его, какъ важнаго сановника, на засѣданія бояр-

ской думы для рѣшенія мірскихъ государственныхъ дѣлъ,— не могла предоставить выборъ и замѣщеніе каедръ епархіальныхъ епископовъ собору іерарховъ т. е. признать автономной епископскую коллегію, которая бы сама, только по своимъ видамъ и усмотрѣнію, замѣщала угодными ей лицами вакантныя мѣста епископовъ и самую патріаршую кафедру. Это бы значило создать изъ епископата, при его тогдашней постановкѣ, такую сильную во всѣхъ отношеніяхъ и тѣсно сплоченную своими интересами правительственную автономную коллегію, которая по своему могуществу и вліянію могла сдѣлаться, въ извѣстныхъ случаяхъ, опасною силою и для государя. Поэтому простое благоразуміе необходимо требовало отъ государей, что бы епископы, наряду со всѣми другими государственными чиновниками, назначались единственно государемъ, во всемъ зависѣли отъ его милости и усмотрѣнія, во всемъ подчинялись ему безусловно. Если епископы очень тяготились этою своею всецѣлою зависимостію отъ свѣтской власти и даже дѣлали попытки освободиться отъ нея, то имъ, очевидно, для достиженія этой цѣли, слѣдовало прежде всего самимъ освободить себя отъ всего, что имъ дала государственная власть, и остаться только при томъ, что имъ дали св. Апостолы т. е. имъ слѣдовало прежде всего перестать быть чиновниками и стать только духовными архипастырями, заботящимися не о мірскихъ выгодахъ, высокоомъ государственномъ положеніи, объ исключительныхъ мірскихъ правахъ и привиллегіяхъ, а единственно о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, достигающими своихъ высокихъ христіанскихъ цѣлей не мірскими государственными средствами, а только духовно-нравственнымъ воздѣйствіемъ на своихъ пасомыхъ, вліяя на ихъ совѣсть и убѣжденія мѣрами чисто-духовными, въ духѣ евангельской любви и свободы. Апостолы по отношенію къ своей паствѣ не были „владыками“ и „великими господами“, какъ называли себя древне-русскіе епископы, не были они и чиновниками, надѣленными отъ государей особыми правами и привиллегіями; все это епископы получили не отъ Апостоловъ, а отъ государей, которые поэтому и смотрѣли на нихъ не только какъ на архипастырей, но и какъ на своихъ чиновниковъ, обязанныхъ имъ безусловнымъ повиновеніемъ. Попытка Никона и сочувствовавшихъ ему русскихъ архіе-

реевъ освободиться изъ подъ зависимости свѣтской власти, сдѣлать епископскую коллегію автономною, и даже признать духовную власть высшею, чѣмъ свѣтская, и—въ то же время сохранить за епископами всѣ исторически пріобрѣтенныя ими отъ государей права, всѣ тѣ мірскія выгоды и преимущества, какими ихъ надѣлила та самая мірская государственная власть, противъ которой они возстали,—была, очевидно, совершенно несостоятельная затѣя, по самому своему существу.

Къ сказанному нужно прибавить и то, что московскіе государи, единолично избирая епископовъ, хорошо знали тѣхъ лицъ, которыхъ они назначали на каѳедры. Какъ великіе церковники, наши московскіе государи находились въ постоянномъ общеніи съ разными духовными лицами, особенно настоятелями и властями разныхъ монастырей, изъ которыхъ они обыкновенно избирали архіереевъ. Принимая ихъ у себя, когда они являлись къ нимъ въ извѣстные дни съ поздравленіями и монастырскими подношеніями, присутствуя на торжественныхъ церковныхъ службахъ, въ которыхъ всегда участвовали и монастырскія власти, приглашая ихъ вмѣстѣ съ архіереями къ своему царскому столу въ разные торжественныя и праздничныя дни, государи имѣли полную возможность лично познакомиться и узнать кандидатовъ въ архіереи и заранѣе намѣчать тѣхъ лицъ, которыхъ они находили болѣе подходящими для занятія архіерейскихъ каѳедръ, которыхъ къ тому же въ древней Руси было очень не много.

Итакъ соборы, названные нами избирательными, которые, предполагается, должны бы были избирать патріарховъ и всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, въ дѣйствительности ихъ вовсе не избирали, а собирались они только для того, что бы торжественно признать царскій выборъ и торжественно посвятить въ патріархи или епископы лицъ, избранныхъ государемъ. Очевидно эти соборы не были соборами въ собственномъ смыслѣ, почему мы и снесли ихъ въ особую группу.

Вторую группу церковныхъ соборовъ московской Руси XVI и XVII столѣтій составляютъ соборы не полные изъ такъ называемыхъ „прилучившихся“ архіереевъ, причемъ эти

соборы подраздѣляются на два вида: на соборы меньшія и большіе.

Неполные соборы составлялись изъ такъ называемыхъ „прилучившихся“ архіереевъ т. е. тѣхъ которые въ данное время случились въ Москвѣ, такъ что нарочитыхъ вызововъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ на соборъ въ этихъ случаяхъ не было. „Прилучившіеся“ архіереи однако вовсе не означало того, что архіереи попали въ Москву случайно, по своимъ личнымъ какимъ либо нуждамъ и по своей волѣ. Этого не было и не могло быть. Архіереи древней Руси не смѣли по своему усмотрѣнію оставлять своихъ епархій, и тѣмъ болѣе по своему только желанію появляться и жить въ столицѣ. Они являлись въ Москву обязательно по особому вызову и разрѣшенію государя и патріарха, и только съ ихъ особаго разрѣшенія могли оставить столицу и возвратиться въ свою епархію. „Прилучившимися“ они называются въ томъ смыслѣ, что составъ вызываемыхъ въ Москву архіереевъ чрезъ извѣстные сроки постоянно измѣнялся, и нынѣ „прилучились“ въ Москвѣ одни архіереи, а завтра могли прилучиться уже другіе, смѣнившіе первыхъ, но при этомъ они никогда не были случайными ¹⁾. Терминъ „прилучившіеся“ въ смыслѣ случайности можно еще пожалуй прилагать къ иностраннымъ восточнымъ архіереямъ, которые, пріѣзжая въ Москву за милостынею, нерѣдко надолго оставались въ Москвѣ и здѣсь, особенно со второй половины

¹⁾ Въ 1665 году Никонъ предложилъ свои условія, на которыхъ онъ согласенъ окончательно отказаться отъ патріаршества. Между прочимъ онъ выговаривалъ себѣ право пріѣзжать въ Москву, когда онъ захочетъ. На это священный соборъ, которому поручено было разсмотрѣть предложенія Никона, отвѣтилъ такъ: „приходити въ царствующій градъ Москву святѣйшему Никону патріарху снче: первѣе ему о приходѣ своемъ въ царствующій градъ Москву къ великому государю и святѣйшему патріарху московскому писати; какъ и прочіи архіереи о пріѣздѣ своемъ пишутъ. И егда благочестивый государь повелитъ и святѣйшій патріархъ благословитъ, тогда по указу великаго государя и благословенію святѣйшаго патріарха, въ царствующій градъ Москву святѣйшему патріарху Никону приходити. А безъ указу великаго государя и безъ благословенія святѣйшаго патріарха къ Москвѣ ему не приходити“. (Дьяло о п. Никонѣ, стр. 224). Въ одной приказной записи встрѣчается замѣтка, что архіереи являлись въ Москву только по особому царскому повелѣнію. „а самовольствомъ своимъ, безъ царскаго указа и безъ грамотъ, къ Москвѣ они не ѣзживали“. (Н. Виноградова: Церк. соборъ въ Москвѣ 1682 года, стр. 20).

XVII вѣка, приглашались на русскіе соборы, такъ что бывали даже такіа случаи, что на нѣкоторыхъ неполныхъ соборахъ иностранные архіереи составляли большинство сравнительно съ русскими.

Необходимость частаго присутствія въ Москвѣ большаго или меньшаго количества епархіальныхъ архіереевъ вызывалась нѣсколькими причинами.

Архіереи древней Руси, вмѣстѣ съ монастырями, были у насъ богатыми землевладѣльцами, и имѣли на своихъ земляхъ много крестьянъ. Они, какъ и другіе помѣщики, должны были съ своихъ земель отбывать разныя государственныя повинности: доставлять даточныхъ людей на войну, доставлять опредѣленные денежные налоги на военныя издержки, доставлять провіантъ на государевыхъ служилыхъ людей, давать нуждающемуся государству взаймы деньги и т. под. Естественно что государство, когда оно находилось въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и нуждалось въ помощи и содѣйствіи всей земли, не могло обойтись безъ содѣйствія духовныхъ властей, которыхъ оно всегда и призывало на совѣтъ, вмѣстѣ съ другими представителями земли, на свои земскіе соборы. И такъ какъ земскіе соборы, особенно, на примѣръ, въ первой половинѣ XVII вѣка, были очень часты и продолжались иногда очень долго, то и епархіальные архіереи, являвшіеся на земскіе соборы, понеобходимости должны были подолгу жить въ Москвѣ. И помимо земскихъ соборовъ присутствіе архіереевъ въ Москвѣ всегда признавалось необходимымъ при обсужденіи всѣхъ вообще важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, такъ какъ архіереи съ монастырями, представляя изъ себя одну изъ крупныхъ финансовыхъ и экономическихъ силъ страны, въ то же время были царскими и всеобщими богомольцами, безъ благословенія и одобренія которыхъ считалось неудобнымъ начинать и совершать какое либо важное общегосударственное дѣло, почему архіереи приглашались не только на земскіе соборы, но и на важнѣйшія засѣданія боярской думы. Даже по такимъ дѣламъ, которыя, по видимому, къ архіереямъ уже не имѣли рѣшительно никакого отношенія, государи однако совѣтовались съ ними. Напримѣръ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „тогожъ числа (30 апр. 1675 г.) былъ у великаго государя, послѣ соборной обѣдни, великій господинъ свя-

тѣйшіи Іоакимъ, патріархъ московскій и всея Россіи, со властями въ верху въ передней и сидѣли о посольскомъ дѣлѣ; а пошелъ отъ великаго государя въ восьмомъ часу дни“ ¹⁾).

Русскіе государи считали себя обязанными управлять не только дѣлами государственными, но и церковными, руководя ими и направляя ихъ согласно своимъ намѣреніямъ и цѣлямъ. И если въ дѣлахъ государственныхъ они проводили свою волю и свои предначертанія чрезъ боярскую думу, то для проведенія своихъ мѣръ въ церковной сферѣ они желали имѣть, помимо митрополита, а потомъ патріарха, такой органъ, который бы, подобно боярской думѣ, могъ, по мѣрѣ нужды и надобности, функціонировать по дѣламъ церковно-религіознымъ, въ качествѣ духовнаго совѣта при нихъ. Для удовлетворенія этой потребности и вызывались въ Москву такъ называемые „прилучившіеся“ архіереи, съ которыми царь могъ всегда посовѣтываться не только по дѣламъ государственнымъ, но и по всѣмъ вопросамъ церковно-религіознымъ.

Присутствія въ Москвѣ нѣсколькихъ архіереевъ требовали и текущіе церковныя дѣла, которыя хотя бы и не имѣли общецерковнаго значенія, но не могли однако быть рѣшены властію одного митрополита или патріарха, а только архіерейскою коллегіею, каковы, напримѣръ, всѣ судебныя дѣла надъ епископами.

„Прилучившіеся“ архіереи, вызываемые на извѣстное время въ Москву, во второй половинѣ XVII вѣка получаютъ другое названіе, сохранившееся за ними и въ настоящее время, именно: „чередные“ или очередные. Когда умеръ патріархъ Іоакимъ, то государи „посылаютъ свои царскіе указы по архіереевъ разныхъ градовъ епархій... *череднымъ же тогда присутствующимъ архіереомъ*, во время жизни и правленія блаженнаго успенія святѣйшаго Іоакима патріарха, и по смерти его оставшимся *и сущимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ*... дабы соборъ, яко архіереи православнии и ихъ царскаго пресвѣтлаго величества богомольцы, купно вси сотворили и совѣтъ изнесли“ объ избраніи преемника Іоакиму ²⁾).

1) Дворц. разряды, т. III, стр. 1364—1365.

2) Полн. собр. зак. т. III. № 1381, стр. 70—71.

„Чередные“ епархіальные архіереи вызывались въ Москву всегда по особому указу государя, безъ котораго они ни подъ какимъ видомъ не могли явиться въ столицу ¹⁾. Очередной архіерей, прибывъ въ Москву и заявивъ о своемъ пріѣздѣ начальнику большого дворца, въ назначенный ему срокъ прежде всего являлся къ государю или, какъ тогда говорили, былъ „на пріѣздѣ у руки великаго государя“, а затѣмъ являлся къ патріарху, отъ котораго получалъ благословеніе. Въ Дворцовыхъ разрядахъ мы читаемъ: „того жъ году (1675) были на пріѣздѣ, на праздникъ—Богоявленіе въ день, у руки великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима“ Филаретъ митрополитъ нижегородскій и Варсонофій архіепископъ смоленскій. Прослуживъ назначенный срокъ въ Москвѣ, очередной архіерей просилъ государя и патріарха объ отпускѣ въ епархію, и, получивъ его, являлся „на отпускѣ“ къ государю и патріарху. „Того жъ году (1674), декабря въ 26 день, говорятъ дворцовые разряды, пожаловалъ великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, отпустили властей съ Москвы (Корнілія митрополита новгородскаго, Іоасафа митрополита казанскаго и Іону епископа вятскаго) и у руки на отпускѣ у великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всеа Россіи, были“. Или: „того жъ году (1675), генваря въ „день пожаловали великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, отпустили съ Москвы домой Іосифа митрополита резанскаго и муромскаго, къ себѣ на Рязань“. Или: „того жъ числа (24 февр. 1675 г.) пожаловали великій государь и святѣйшій

1) Какъ вызывались въ Москву прилучившіеся или очередные архіереи, это хорошо видно изъ слѣдующей записи Дворцовыхъ разрядовъ: „того жъ числа (8 сент. 1674 г.) посланъ, по указу великаго государя, изъ большаго дворца, отъ боярина и оружничего Богдана Матвѣевича, да отъ думнаго дворянина Александра Савостьяновича Хитрово, да отъ думнаго дьяка Федора Михайлова съ товарищи, грамоты: въ Нижній Новгородъ по Филарета, митрополита нижегородскаго и олаторскаго, да въ Вѣлградъ по Мисаила, митрополита бѣлогородскаго и обоянскаго; а святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, велѣлъ послать къ нимъ же, изъ своего розряду, другую грамоту. И вѣлено быть имъ въ Москвѣ тотчасъ, не мѣшкая; а пріѣхавъ къ Москвѣ, велѣно имъ прсебя извѣстить и про свои пріѣзды въ больномъ дворцѣ боярину и оружничему Богдану Матвѣевичу Хитрово съ товарищи“. (т. III, стр. 1008).

Іоакимъ патріархъ московскій и всеа Русіи на отпускѣ: великій государь къ рукѣ, а святѣйшій Іоакимъ патріархъ къ благословенію Симона архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго“ 1).

На какой срокъ вызывались въ Москву очередные архіерей, это видно изъ грамоты государей 1685 года кіевскому митрополиту Гедeonу Четвертинскому, утверждающей права и преимущества кіевского митрополита, гдѣ между прочимъ говорится: „а по обыкновенію великороссійскихъ преосвященныхъ митрополитовъ, въ нашъ царствующій градъ Москву на годовое и полугодовое время его не вызывать“ 2). Значить, въ Москвѣ сложился такой обычай, что епархіальныхъ архіереевъ вызывали на очередь или на полгода или на годъ, по истеченіи которыхъ ихъ отпускали въ епархію, а на мѣсто отбывшихъ свою очередь вызывали другихъ. Это подтверждается и тѣми записями, какія дошли до насъ объ участіи очередныхъ архіереевъ въ церковныхъ службахъ въ Москвѣ, изъ которыхъ мы можемъ видѣть: кто, когда и сколько времени изъ епархіальныхъ архіереевъ былъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію такія записи безъ перерывовъ и въ подробномъ видѣ т. е. съ имяннымъ перечисленіемъ служащихъ архіереевъ сохранились только за 1673, 1674 и 1675 года. Но все-таки и онѣ даютъ намъ нѣкоторую возможность, хотя бы отчасти, освѣтить фактически интересующій насъ вопросъ. Въ 1672 году мы встрѣчаемъ въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ: Питирима новгородскаго, Пареепія астраханскаго, Иларіона рязанскаго и Филарета нижегородскаго; архіепископовъ: Варсанофія смоленскаго, Стефана суздальскаго и Іосифа коломенскаго и того: семерыхъ очередныхъ архіереевъ. Къ сентябрю 1673 года всѣ они уже оставили Москву и на мѣсто ихъ явились новые, которые и выступаютъ въ церковной службѣ 11-го сентября. Это были митрополиты: Іоакимъ новгородскій, Корнилій казанскій, Іона ростовскій; архіепископы: Іоасафъ тверской и Арсеній псковскій и того: пять архіереевъ. Изъ нихъ Іоакимъ новгородскій 23 іюля 1674 года избирается въ патріархи; второй Корнилій казанскій, переведенный въ Новгородъ, пробылъ въ Москвѣ съ

1) Дворц. разр. т. III, стр. 1156, 1175, 1180, 1246, 1422.

2) Собор. госуд. грам. и догов. т. IV, № 172, стр. 500.

11-го сентября 1673 года до 26 декабря 1674 года,—значить пробыль на очереди годъ и три мѣсяца; Іона ростовскій пробыль въ Москвѣ съ сентября 1673 года по 7 января 1675 года,—значить пробыль въ Москвѣ на очереди годъ и четыре мѣсяца; архіепископы: Іоасафъ тверской пробыль въ Москвѣ съ сентября 1673 г. до начала марта 1674 г. т. е. полгода; Арсеній псковскій пробыль въ Москвѣ съ сентября 1673 г. до начала апрѣля 1674 г. т. е. семь мѣсяцевъ; Симонъ вологодскій, прибывшій въ Москву въ мартъ 1674 г., отпущенъ изъ Москвы 25 февраля 1675 года т. е. пробыль въ Москвѣ на очереди почти годъ; Стефанъ суздальскій прибыль въ Москву 17 августа 1674 года, а уже 21 ноября въ службахъ болѣе не участвуетъ и значить, почемуто былъ отпущенъ изъ Москвы только послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ ней. Что такой краткій срокъ пребыванія архіерея на очереди считался ненормальнымъ, это видно изъ того, что тотъ же Стефанъ, уже чрезъ восемь мѣсяцевъ—въ августъ 1675 года, снова былъ вызванъ въ Москву на очередь. Іосифъ коломенскій явился въ Москву 1-го сентября 1674 г., а былъ отпущенъ 29 мая 1675 г. т. е. пробыль девять мѣсяцевъ. Іона, епископъ вятскій, помѣчается присутствующимъ въ Москвѣ 17 августа, а 26 декабря былъ уже отпущенъ въ свою епархію и въ Москвѣ значить пробыль съ небольшимъ четыре мѣсяца.

Изъ приведенныхъ данныхъ, какія только сей-часъ доступны намъ (говоримъ за себя), видно, что митрополиты, являясь въ Москву на очередь, проживали здѣсь болѣе года, а архіепископы одни по году, другіе по полгода, а нѣкоторые даже и того менѣе. Значить, показаніе грамоты государей Гедееону Четвертинскому, что въ Москвѣ существуетъ обычай вызывать епархіальныхъ архіереевъ въ Москву на полугодовые и годовые сроки въ существѣ вполнѣ вѣрно, только эти полугодовые и годовые сроки строго не выдерживались, а иногда были нѣсколько длиннѣе, иногда нѣсколько короче, смотря, очевидно, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Но во всякомъ случаѣ самый фактъ вызова епархіальныхъ архіереевъ на очередь въ Москву не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Соблюдался-ли какой-либо разъ строго опредѣленный порядокъ или опредѣленная очередь при вызовѣ епархіаль-

ныхъ архіереевъ въ Москву, по неимѣнію у насъ (говоримъ за себя) данныхъ, сказать не можемъ. Только одно можно замѣтить, что архіереи отдаленныхъ епархій рѣже вызывались въ Москву, чѣмъ ближайшихъ, а сибирскій, наприкладъ, архіепископъ, а потомъ митрополитъ, конечно вслѣдствіе отдаленности его епархіи, почти и совсѣмъ не вызывался въ Москву. Покрайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ только два раза.

Относительно промежутковъ времени, чрезъ какія одинъ и тотъ же архіерей призывался на очередь въ Москву, мы можемъ отмѣтить такой фактъ: Филаретъ митрополитъ нижегородскій былъ на очереди въ 1672 году и затѣмъ снова вызванъ въ январѣ 1675 года; Варсанофій архіепископъ смоленскій былъ на очереди въ 1672 году, а въ первыхъ числахъ января 1675 года былъ вызванъ вновь; Іосифъ архіепископъ коломенскій былъ на очереди тоже въ 1672 г., а снова былъ вызванъ въ январѣ 1675 года. Значить, всѣ указанные архіереи вызывались на очередь чрезъ два года. Держались-ли этого правила при вызовѣ въ Москву очередныхъ архіереевъ всегда и относительно всѣхъ вообще архіереевъ, кромѣ указанныхъ, не знаемъ. Очень возможно, что и всѣхъ другихъ архіереевъ вызывали на очередь не ранѣе какъ чрезъ два года.

Что касается количества вызываемыхъ на очередь архіереевъ, то въ этомъ отношеніи не было чего-либо строго опредѣленнаго, число ихъ въ разное время было не одинаково и постоянно измѣнялось. Такъ лѣтомъ 1672 года въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ было четыре, архіепископовъ три, всего—7. Въ 1673 году митрополитовъ было три, архіепископовъ два, всего—5. Въ 1674 года, до 12 апрѣля, составъ очередныхъ архіереевъ оставался тотъ же, что и въ 1673 году; но съ 12 апрѣля 1674 года уходитъ одинъ архіепископъ, такъ что архіереевъ очередныхъ остается въ Москвѣ только—4. 19 апрѣля новгородскій митрополитъ Іоакимъ дѣлается патріархомъ, такъ что очередныхъ остается два митрополита и одинъ архіепископъ, всего—3. 17 августа появляется новый митрополитъ, новый архіепископъ и одинъ епископъ, всего становится—6. 1-го сентября появляется еще новый архіепископъ и всѣхъ становится—7. 14 сентября появляется еще новый очередной митрополитъ и всѣхъ ста-

новится—8. 21 ноября уходитъ одинъ архіепископъ, а 26 декабря сразу отпускаютъ двухъ митрополитовъ и епископа, такъ что всѣхъ очередныхъ остается—4. Января 6-го 1675 г. являются вновь одинъ митрополитъ и одинъ архіепископъ, но за то 7-го января отпускается въ епархію одинъ митрополитъ, а около 12 числа другой, такъ что всего остается—4. Но 7 февраля является новый митрополитъ и всего становится—5. Очевидно количество очередныхъ архіереевъ въ Москвѣ было въ разное время не одинаково и постоянно измѣнялось: иногда число доходило до восьми, а иногда падало даже до трехъ.

Постоянною обязанностію и занятіемъ проживавшихъ въ Москвѣ очередныхъ архіереевъ было, кромѣ участія въ соборныхъ засѣданіяхъ, совершеніе торжественныхъ церковныхъ службъ, по назначенію патріарха. Каждый архіерей являлся въ Москву съ своимъ собственнымъ протодіакономъ и съ своимъ хоромъ пѣвчихъ. Когда они назначались совершать службы въ разные соборы, монастыри и приходскіе церкви (въ ихъ престольные праздники), тогда обыкновенно пѣлъ хоръ архіерея, который первенствовалъ на службѣ ¹⁾.

¹⁾ Въ Дворцовыхъ разрядахъ мы, напримѣръ, читаемъ такія частныя записи: „того жъ числа (1-го сент. 1674 г.) служили власти: въ соборной и апостольской церкви: святѣйшій Іоакимъ патріархъ московскій и всеа Русіи, да съ нимъ власти: Іона, митрополитъ ростовскій и ерславскій, Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, Симонъ, архіепископъ вологодскій и бѣлоозерскій, Стефанъ, архіепископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, Іона, епископъ вятскій и великопермскій, да архимандриты и игумены и протопопы: а пѣли пѣвчіе и подъяки патріарши. У Благовѣщенія: Корвиль, митрополитъ новгородскій и великолудскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да ключари благовѣщенскіе съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подъяки новгородскіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ: Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ вознесенской съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подъяки крутицкіе. У архангела Михаила: Іоакимъ, епископъ сербословенскій, да съ нимъ игумень, да протопопъ архангельской съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подъяки сербославянскіе“. Или: „того жъ году сентября въ 4 день, праздновалъ великій государь государыни царевны и великой княжны Марѣи Алексѣевны ангелу; а выходу великому государю не было и государю царевичу въ соборную и апостольскую церковь. А служили: въ соборной и апостольской церкви святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, да съ нимъ власти: Корвиль, митрополитъ новгородскій и великолудскій, а съ нимъ архіепископъ Симонъ вологодскій и бѣлоозерскій, Стефанъ архі-

Торжественныя службы въ Москвѣ тогда были очень часты: торжественно служили въ дни рожденій и именинъ государя, государыни и всѣхъ членовъ царской семьи; по умершимъ служили заупокойныя и поминальныя службы, и всѣ такія службы заканчивались обыкновенно торжественными царскими обѣдами, на которыхъ присутствовать архіереямъ было обязательно. Торжественными службами праздновали всѣ церковные праздники, не только общіе, но частныя храмовныя, такъ что службъ набиралось очень и очень много. Къ этимъ частымъ службамъ присоединились еще очень частыя крестныя ходы, въ которыхъ обязательно участвовали назначаемые въ нихъ очередные архіереи. Самовольно, безъ назначенія патріарха, архіерей никогда въ Москвѣ служить не могъ. Но все-таки и въ тѣ дни, когда онъ нигдѣ не служилъ по назначенію, для него обязательно было присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ въ соборѣ, гдѣ былъ патріархъ, и уклоненіе отъ этой обязанности могло вызвать порицаніе со стороны патріарха. Въ Дворцовыхъ

епископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ архіепископъ коломенскій и коширскій, да архимандриты, и игумены, и протопопы; а пѣли пѣвчіе и подъяки патріарши. У архангела Михаила служилъ Іона, митрополитъ ростовскій и ерославскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ архангельской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подъяки ростовскіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ служилъ Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, да съ нимъ архимандриты, и игумены, да протопопъ вознесенскій съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подъяки крутицкіе. У Спаса на Новомъ служилъ Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, да съ нимъ архимандритъ сласской; а пѣли пѣвчіе и подъяки резанскіе. У Николы у Столпа служилъ Іона, епископъ вятскій и великопермскій, да съ нимъ игуменъ, да никольской священникъ; а пѣли пѣвчіе и подъяки вятцкіе“ (т. III, стр. 976, 981—982, 995, 1005, 1017, 1046, 1051, 1084, 1110, 1228 и др.).

Тогдашніе москвичи, любители торжественныхъ архіерейскихъ службъ, громогласныхъ протодьяконовъ и церковныхъ пѣвчихъ, переходя изъ одного храма въ другой, могли наслаждаться и торжественными службами разныхъ архіереевъ, и голосами знаменитыхъ протодьяконовъ, и пѣніемъ хоровъ различныхъ епархіальныхъ архіереевъ, воспитывая и развивая свой вкусъ въ этой области. Очевидно и современная всѣмъ извѣстная любовь и пристрастіе москвичей къ торжественнымъ архіерейскимъ службамъ, къ крестнымъ ходамъ, къ громоподобнымъ протодьяконамъ и къ церковнымъ хорамъ, явились не сей-часъ, а воспитывались вѣками,—корни ихъ прочно заложены были еще въ древней до петровской Руси.

разрядахъ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „того жъ числа (8 авг. 1675 г.) указалъ святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, Стефану, архіепископу суздальскому и юревскому, ѣздить въ соборную церковь къ себѣ безпрестанно, а служить ему, архіепископу, безъ своего благословенія святительскаго не указалъ“¹⁾.

Несомнѣнно, что отбываніе епархіальными архіереями своей очереди въ царствующемъ градѣ Москвѣ, было для нихъ обязанностью очень тяжелою. Въ Москвѣ епархіальный архіерей находился подъ постояннымъ, очень бдительнымъ и крайне стѣснительнымъ для него надзоромъ патріарха и свѣтскаго правительства, онъ долженъ былъ соразмѣрять здѣсь каждый свой шагъ и поступокъ, чтобы какъ нибудь не вызвать неудовольствія, а то и прямо замѣчанія начальства. Большая часть его времени была занята очень длинными, утомительными церковными службами, крестными ходами, дѣловыми засѣданіями, парадными обѣдами,—уклоняться отъ исполненія всѣхъ этихъ обязанностей онъ не имѣлъ возможности. Въ своей епархіи „великій господинъ“, неограниченный „владыка“ и безконтрольный распорядитель не только своихъ личныхъ поступковъ и дѣятельности, но жизни и дѣятельности множества подчиненныхъ ему и зависящихъ отъ него лицъ, въ Москвѣ онъ становился въ подчиненное зависимое положеніе, и не могъ сдѣлать ни единого самостоятельнаго шага;—великій господинъ дома, въ Москвѣ превращался въ очень маленькаго господина, обязаннаго заискивать и угодничать предъ сильнѣйшими и большими его господами; ему въ Москвѣ приходилось въ морозъ, по часу и по два дожидаться на крыльцѣ, пока большій его владыка и великій господинъ велитъ впустить его въ свою переднюю. Епархіальный очередной архіерей прекрасно понималъ, что пребываніе въ Москвѣ было для него экзаменомъ, искусомъ, который онъ долженъ во чтобы то ни стало пройти съ успѣхомъ, чтобы не испортить своей архіерейской карьеры. Естественно, что очередной епархіальный архіерей напрягалъ въ Москвѣ всѣ свои силы, пускалъ входъ все свое умѣнье, чтобы съ успѣхомъ выдержать экзаменъ и благополучно возвратиться въ свою епархію. Вѣроятно боль-

¹⁾ Т. III, стр. 1591.

шинство епархіальныхъ архіереевъ ѣхало въ Москву не особенно охотно; но зато, исполнивъ успѣшно хлопотливую и тяжелую повинность, съ удовольствіемъ спѣшило возвратиться въ свои епархіи.

Когда и какъ сложился и развивался у насъ институтъ „чередныхъ“ епископовъ, которыхъ мы отождествляемъ съ „прилучившимися“, не знаемъ, но несомнѣнно онъ существовалъ уже въ XV вѣкѣ. Первый въ Москвѣ, поставленный независимо отъ константинопольскаго патріарха митрополитъ—Іона, въ своей прощальной грамотѣ владимірскому и берестійскому епископу Даниилу, говоритъ: „мы простихомъ его и благословихомъ, съ всѣми нашими дѣтми и съ служебники, съ архіепископомъ и епископы рускими нашими митрополія, *елиѹи въ сіе время прилучишася при насъ*“¹⁾. Потребность имѣть въ Москвѣ хотя бы не многихъ чередныхъ архіереевъ для совѣтовъ и рѣшенія возникавшихъ разныхъ церковныхъ дѣлъ, которыя не могъ рѣшить одинъ митрополитъ или патріархъ, была такъ естественна и настоятельна, въ виду особыхъ территоріальныхъ условій древней Руси, что къ этому средству правительство должно было прибѣгнуть очень рано. Русскія епархіи занимали тогда собою огромныя пространства, многіе изъ нихъ были крайне далеки отъ столицы, дороги въ то время были чрезвычайно плохи, а въ нѣкоторыя времена года и совсѣмъ непроѣзжны. Чтобы архіерею болѣе или менѣе отдаленной епархіи попасть въ Москву съ цѣлою свитою и даже хоромъ пѣвчихъ, требовалось много сборовъ, хлопотъ, времени, и то только подъ условіемъ, что состояніе пути допускаетъ поѣздку. Въ виду этаго обсужденіе неожиданно возникавшихъ и требовавшихъ немедленнаго или во всякомъ случаѣ скораго рѣшенія дѣлъ, не могло бы состояться при указанныхъ условіяхъ, приходилось и дѣла неотложныя отлагать на очень долгое время, пока вызванные епархіальные архіереи, получивъ предварительное извѣщеніе, могутъ пріѣхать въ Москву. Всѣ эти неудобства и неизбѣжныя затрудненія, которыя могли иногда имѣть серьезныя неблагоприятныя послѣдствія для правильнаго и безпрепятственнаго теченія дѣлъ, уничтожались сами собою, когда въ Москву

1) Русск. истор. библ. т. VI, стр. 589.

стали, болѣе или менѣе правильно, вызывать очередныхъ архіереевъ. Мы не можемъ сказать, когда этотъ обычай сложился окончательно и сталъ дѣйствовать непрерывно, такъ что мѣнявшіеся въ своей очереди архіереи всегда, безъ перерывовъ, въ томъ или другомъ количествѣ, находились въ Москвѣ. Одно только несомнѣнно, что къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка, этотъ обычай уже окончательно сложился и дѣйствовалъ вплоть до учрежденія Св. Синода. Вѣроятно дѣло шло такъ: сначала очередные архіереи, конечно изъ ближайшихъ епархій, вызывались въ Москву только въ особыхъ случаяхъ и, по рѣшеніи ими извѣстныхъ дѣлъ, возвращались въ свои епархіи и немедленно не замѣнялись другими, вновь вызываемыми архіереями, такъ что между ихъ вызовами въ Москву были, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе продолжительные промежутки. Но съ теченіемъ времени жизнь все болѣе усложнялась, все настоятельнѣе и чаще являлась потребность въ соборахъ прилучившихся епископовъ, и они все чаще и чаще стали появляться въ Москвѣ, пока наконецъ не пришли къ мысли постоянно имѣть въ Москвѣ нѣсколькихъ епархіальныхъ архіереевъ, удерживая ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. А чтобы надолго однихъ и тѣхъ же архіереевъ не отрывать отъ ихъ епархій, стали вызывать на извѣстные сроки по очереди: нынѣ однихъ, завтра другихъ, и такимъ образомъ къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка прилучившіеся архіереи превратились въ очередныхъ. Значить, у насъ до Петра 1-го самой практикой церковной жизни уже создано было особое церковно-правительственное учрежденіе, ведущее текущія церковныя дѣла и состоящее изъ нѣсколькихъ вызываемыхъ на извѣстные сроки въ Москву епископовъ т. е. создано было нѣчто вродѣ Св. Синода. Въ виду этого думать, что Петръ, учреждая Синодъ, сдѣлалъ въ церковномъ управленіи что-то у насъ невиданное, новое, небывалое, имъ сочиненное чуть не по иновѣрному иностранному образцу, есть чистое недоразумѣніе, основанное на недостаточномъ ознакомленіи съ своею собственною церковною стариною; въ дѣйствительности Петръ, учреждая Синодъ, взялъ, извѣстнымъ образомъ приспособилъ и узаконилъ то, что уже ранѣе существовало, что создано было нашею же собственною церковною жизнію.

Соборы изъ прилучившихся или очередныхъ архіереевъ занимались разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ только текущихъ дѣлъ, не имѣвшихъ общецерковнаго характера и значенія, они не устанавливали общецерковныхъ нормъ, не издавали распоряженій, касающихся всей церкви, не рѣшали вопросовъ вѣры и благочестія, а только обсуждали и рѣшали относительно частныя случаи, входившія въ спеціальную архіерейскую компетенцію, почему эти соборы по большей части состояли изъ однихъ только епископовъ и только иногда, по особымъ обстоятельствамъ, къ нимъ присоединяли еще нѣсколько архимандритовъ, игуменовъ и представителей бѣлаго духовенства. На этихъ соборахъ разсматривались и рѣшались дѣла главнымъ образомъ касающіяся проступковъ и неправильныхъ дѣйствій какъ самихъ епископовъ, такъ и разныхъ членовъ клира, почему на такіе соборы можно смотрѣть какъ на высшее судебное духовное учрежденіе, только дѣйствовавшее не постоянно, а по временамъ; причемъ когда судился епископъ,—архимандриты, игумены и бѣлое духовенство на соборѣ не присутствовали, когда судился низшій членъ клира, и притомъ чѣмъ либо выдающійся и популярный, на соборѣ, кромѣ епископовъ, приглашались еще архимандриты, игумены и бѣлое духовенство. На этихъ соборахъ царь лично не присутствовалъ, не присутствовали на нихъ и члены боярской думы, но царь имѣлъ на нихъ своихъ представителей—кого либо изъ своихъ бояръ и дьяка.

Соборы изъ прилучившихся епископовъ, съ половины XVII вѣка, нерѣдко называются въ документахъ, да и сами себя называютъ „преосвященный соборъ“, „святительскій соборъ“, „архіерейскій соборъ“, „архіерейское собраніе“, причемъ всѣ эти названія имѣютъ въ виду выразить одну и ту же мысль, что такой соборъ въ большинствѣ случаевъ составлялся изъ однихъ архіереевъ, и потому былъ соборомъ неполнымъ, ненастоящимъ, такъ какъ, съ одной стороны, на немъ не было всѣхъ архіереевъ страны, съ другой — ему не доставало необходимыхъ членовъ настоящаго собора: монашества, бѣлаго духовенства и мірянъ.

„Преосвященные“ или неполные соборы древней Руси были нѣчто въ родѣ нынѣшняго св. Синода, состоящаго тоже не изъ всѣхъ архіереевъ, а только изъ вызываемыхъ на очередь и потому постоянно мѣняющихся. Но между ними было

и важное различіе, какъ въ учрежденіи судебномъ. Всѣ судебныя рѣшенія Синода, какъ высшей инстанціи, есть окончательныя и обжалованію не подлежатъ; тогда какъ судебныя рѣшенія древне-русскаго собора изъ прилучившихся епископовъ были не окончательныя. Недовольный ихъ рѣшеніемъ, находя, что оно неправильно и не законно, всегда могъ апеллировать къ другому, такъ называемому большому собору, который обязанъ былъ пересмотрѣть вновь все дѣло, и постановить свое рѣшеніе независимо отъ состоявшагося ранѣе. Этотъ другой—большій соборъ образовывался обыкновенно такимъ образомъ, что къ прежнему составу собора изъ прилучившихся епископовъ, чрезъ особый царскій вызовъ, присоединяли нѣсколько новыхъ архіереевъ и, смотря по лицу и важности обвиненія, къ архіереямъ присоединяли еще иногда нѣсколькихъ представителей изъ бѣлаго и чернаго духовенства. Этотъ-то второй соборъ, съ увеличеннымъ составомъ членовъ, и назывался, по отношенію къ первому—меньшему, „большимъ“ соборомъ, „совершеннымъ соборомъ“, а иногда даже „великимъ соборомъ“, и представлялъ изъ себя высшую судебную инстанцію, куда апеллировали лица не довольныя рѣшеніемъ перваго—меньшаго собора.

О раздѣленіи неполныхъ соборовъ на меньшія и большія, въ смыслъ низшей и высшей судебной инстанціи, мы находимъ прямыя и ясныя указанія. „Въ нынѣшнемъ, господа, 7171 году (1663 г.), іюля въ 17 день, посланы вы (газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ и астраханскій архіепископъ Іосифъ) отъ великаго государя и отъ насъ—*всего преосвященнаго собора* въ Воскресенскій монастырь къ бывшему патріарху Никону говорити, что вѣдомо учинилось великому государю и намъ—*преосвященному собору*“, что Никонъ будто-бы проклиналъ царя. „И нынѣ намъ—*преосвященному собору*... вѣдомо учинилось“, что Никонъ не хотѣлъ выслушать посланныхъ „отъ великаго государя и отъ насъ—*преосвященнаго собора*“. „И мы, преосвященный соборъ, сихъ ради всѣхъ дерзновеній его (Никона) вышеписанныхъ, приговорили, что ему, Никону патріарху, быти въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ который онъ самъ, оставя патріаршество, пришелъ своею волею, не исходну до совершеннаго собору. А и большому собору употребилось быти его же ради Никонова дерзновенія, что

онъ Никонъ, бывшій патріархъ, ни во что вѣтилъ прежде бывшее собраніе архіерейское о его патріаршемъ оставленіи“ 1). Или напримѣръ: „въ прошломъ во 168 году (1660 г.), по божественному повелѣнію благочестивѣйшаго государя, собравшися преосвященный соборъ въ богохранимый царствующій градъ Москву, и снисхохомся въ крестовую патріаршу палату: митрополити, архіепископи и епископи. И въ то время великій государь прислалъ къ намъ, преосвященному собору, обыскныя рѣчи съ бояриномъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да съ думнымъ діаконъ Алмазомъ Ивановымъ, о Стефанѣ, архіепископѣ суздальскомъ, по челобитью и извѣту того же суздальскаго града соборнаго попа Никиты, и чтобъ намъ по тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ правильно объ этомъ Стефанѣ архіепископѣ поразсудить; и у того дѣла великій государь указалъ съ нами, архіереями, быть боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному діаку Алмазу Иванову. И тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы соборныя съ бояриномъ и діаконъ слушали, и по тѣмъ обыскамъ и рѣчамъ познали“, что архіепископъ Стефанъ попомъ Никитою оклеветанъ. И тогда т. е. въ 1660 году преосвященный соборъ въ виду того, что архіепископъ Стефанъ „возненавидѣвъ того града людьми“, перевелъ его изъ суздальской епархіи въ Москву, въ Архангельскій соборъ, а попъ Никита за клевету подвергнутъ былъ запрещенію. Но въ 1661 году, февраля 5-го, архіепископъ Стефанъ „ту соборную архангельскую церковь оставилъ, и въ ней служить не сталъ самовольно. И въ нынѣшнемъ 171 году (1661 г.), мая въ 26 день, по указу великаго государя преосвященный соборъ: Лаврентій митрополитъ казанскій и свѣяжскій, Питиримъ митрополитъ сарскій и подонскій, Паисій митрополитъ газскій, Θεодосій митрополитъ сербской земли вершацкій, Филаретъ архіепископъ смоленскій и дорогобужскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій и муромскій, Іосифъ архіепископъ астраханскій и терскій,

1) Подъ этимъ соборнымъ дѣяніемъ собственноручно подписались: Лаврентій митрополитъ казанскій, Θεодосій митрополитъ вершатскій, Филаретъ архіепископъ смоленскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, Симеонъ архіепископъ сибирскій, Нектарій архіепископъ поголянинскій и Александръ епископъ вятскій. Значить соборъ состоялъ изъ однихъ епископовъ. Это дѣло и слѣдующе приводимое нами о суздальскомъ Стефанѣ взято нами изъ одной архивной выписки.

Нектарій архіепископъ погоніатскій, Александръ епископъ вятскій и великопермскій—въ крестовой патріарховой палатѣ Стефана архіепископа допрашивали“, почему онъ не сталъ служить и самовольно оставилъ архангельскій соборъ? На это архіепископъ отвѣчалъ: „потому-де я не служу у архангельскія соборныя церкви, что—де я отъ своего престола, къ которому поставленъ сперва—въ Суздаль, изгнанъ, и то ея ради скорби никогда въ ней съ чистою совѣстію не служилъ, и впредь въ той церкви за тѣмъ же не могу служить *до совершеннаго собора*“. Преосвященный соборъ приговорилъ архіепископа Стефана на житіе въ монастырь, какой укажетъ государь. Чрезъ нѣсколько времени архіепископъ Стефанъ подалъ государю челобитную, въ которой объясняетъ, что за ослушаніе государю „и *святительскаго собора* приговору“, онъ сосланъ въ ростовскій Борисо - Глѣбскій монастырь, „подъ запрещеніемъ *отъ святительскаго собору*“ и теперь, въ виду его тяжелой болѣзни, проситъ дать ему отъ собора разрѣшеніе. Съ своей стороны суздальскій попъ Никита, запрещенный соборомъ за ложный извѣтъ на архіепископа Стафана въ 1666 году подавалъ государю о разрѣшеніи челобитную, въ которой запретившій его соборъ называется „*архіерейскимъ соборомъ*“ 1).

Чтобы лучше видѣть, что такое были у насъ соборы меньшіе и большіе, приведемъ нѣсколько фактическихъ данныхъ. Въ 1653 году патріархъ Никонъ собралъ соборъ для суда надъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора Іоанномъ Нероновымъ. На соборѣ, кромѣ предсѣдателя, патріарха Никона, были архіереи, архимандриты, игумены, протопопы и священники, такъ что соборъ былъ очень разнообразнаго состава. Соборъ произнесъ запрещеніе на Неронова и сослалъ его на смиреніе въ монастырь. Но Нероновъ счелъ себя не правильно осужденнымъ и публично сталъ заявлять—въ челобитныхъ царю, царицѣ, въ письмахъ къ царскому духовнику и всюду, что Никонъ осудилъ его неправильно, пристрастно, незаконно. Тогда патріархъ Никонъ, въ виду протестовъ Неронова, въ 1656 году собралъ на него *новый*—большій соборъ, на которомъ, кромѣ самаго Никона, были: антиохійскій патріархъ Макарій, пять митрополитовъ.

1) Матер. для исторіи раск. т. I, стр. 379.

изъ нихъ два иностранца, четыре архіепископа и одинъ епископъ, восемнадцать архимандритовъ, десять игуменовъ, восемь протопоповъ и, кромѣ того, говоритъ соборное дѣяніе, „священники и діакони мнози, еoliko ихъ случися быти“. Этотъ новый—большій, чѣмъ въ 1653 году, соборъ на Неронова, поясняетъ соборное дѣяніе, созванъ въ силу 12 правила антiохійскаго собора, „глаголющему сице: изверженъ бывъ изъ сана, аще притужаетъ церкви, возвѣщая о себѣ, да просить къ большому собору приступить и судитися; и каковъ судъ ти изнесутъ наъ, въ томъ да пребываетъ. Аще же и потомъ противу глаголетъ, да не имать оправданія. Толкованіе. Аще который епископъ, или презвитеръ, или діаконъ, изверженъ бывъ отъ сана соборомъ, и мнить, яко безъ правды изверженъ бысть, се правило не возбраняетъ, но паче повелѣваетъ ему къ большому собору приступить и судитися, и отъ того исправитися, въ нихъ же мнится правъ быти, на превращеніе изнесеннаго наъ суда отъ собора того“ 1). 18 декабря 1664 года патріархъ Никонъ не ожиданно прибылъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву, явился, во время службы, въ Успенскій соборъ, гдѣ мѣстоблюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Іона, принялъ отъ него благословеніе. По поводу этаго поступка митрополита Іоны, который, по заявленію государя, „до большаго собора сообщенія съ нимъ (Никономъ) не долженъ имѣть“, по повелѣнію царя 22 декабря, въ патріаршей крестовой палатѣ, собрался соборъ „изъ прилучившихся“ въ то время въ Москвѣ митрополитовъ: Павла сарскаго, Паисія газскаго, Космы амасійскаго, Макарія гревенскаго, Феодосія сербскаго и архіепископа погорянинскаго Некторія. Соборъ этотъ временно отстранилъ митрополита Іону отъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола и даже совершенія службъ, но въ то же время призналъ, что окончательное рѣшеніе этаго дѣла требуетъ созванія большаго собора. Дѣйствительно 10 февраля 1665 года, по дѣлу митрополита Іоны, собрался новый—большій соборъ изъ одиннадцати архіереевъ, на которомъ Іона принесъ покаяніе въ своемъ проступкѣ, оставленъ былъ по прежнему митрополитомъ ростовскимъ, но лишенъ былъ званія патріаршаго мѣстоблюстителя 2). Въ 1660 году госу-

1) Ibid. стр. 124—133.

2) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 161—163, 175—177.

дарь собралъ соборъ, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о Никонѣ и выборъ ему преемника. На этомъ соборѣ, въ качествѣ присутствовавшихъ членовъ подписалось 16 архіереевъ, между которыми были три греческихъ и одинъ сербскій, 29 архимандритовъ, 13 игуменовъ, 5 протоповъ и старецъ Епифаній Славинецкій. Кромѣ подписавшихся на соборѣ были конечно и другія лица, которыя не подписывались подъ соборными дѣянiями. Соборъ, значитъ, былъ очень многочисленный и разнообразный по своему составу. Продолжался онъ очень долго, именно; открытъ былъ 17 марта, а закончился 14 августа т. е. тянулся почти пять мѣсяцевъ. На немъ подробно изслѣдовано было все дѣло оставленiя Никономъ патріаршей каѳедры, дѣлались и русскими и греческими архіереями выписки изъ всевозможныхъ правилъ примѣнительно къ случаю, и наконецъ соборъ пришелъ къ единодушному рѣшенію на мѣсто Никона избрать и немедленно поставить новаго патріарха. Это свое рѣшеніе члены собора ради торжественности подписали въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи царя и всего царскаго синклита 1). Такимъ образомъ этимъ соборомъ, который собственно былъ судомъ надъ Никономъ, послѣдній былъ признанъ виновнымъ въ своевольномъ оставленіи патріаршей каѳедры и потому соборно присужденъ былъ къ лишенію патріаршества, а на его мѣсто рѣшено было немедленно избрать новаго патріарха. Но Никонъ не призналъ правильнымъ состоявшимся о немъ соборнаго постановленiя, рѣшительно и энергично, заявлялъ, что соборъ 1660 года не имѣлъ права судить его, что это былъ не соборъ, „а сонмище іудейское“, какъ выражался онъ, такъ какъ судить его—Никона имѣетъ право только константинопольскій патріархъ, а не подчиненные ему и, въ большинствѣ, имъ же поставленные русскіе епископы. Этотъ протестъ Никона царь принужденъ былъ признать заслуживающимъ полнаго вниманiя, и потому требующимъ созванiя новаго—большаго собора для окончательнаго суда надъ Никономъ т. е. призналъ, что должна быть образована новая высшая судебная инстанція для суда надъ Никономъ, которая вновь разсмотритъ все дѣло и такъ или иначе порѣшитъ его окончательно. Въ силу такого положе-

1) Ibid. стр. 109.

нія дѣла приговоръ собора 1660 года о лишеніи Никона патріаршества и немедленномъ избраніи на его мѣсто другаго лица, не былъ приведенъ въ исполненіе, а отложенъ до созванія новаго—большаго собора, на который, какъ извѣстно, приглашены были греческіе восточные патріархи. Въ ихъ присутствіи, въ 1666 году, и состоялся бѣльшій, сравнительно съ 1660 годомъ, соборъ, который вновь пересмотрѣлъ все дѣло Никона и окончательно осудилъ его, послѣ чего немедленно былъ избранъ и поставленъ новый патріархъ, преемникъ Никона. Значитъ въ дѣлѣ суда надъ Никономъ соборъ 1660 года, несмотря на свой очень большой и разнообразный составъ, игралъ роль низшей судебной инстанціи, соборъ же 1666 года съ восточными патріархами, роль высшей апелляціонной инстанціи, одинъ былъ меньшимъ, другой сравнительно съ нимъ бѣльшимъ. Поэтому названіе собора 1666 — 1667 года, на которомъ присутствовали восточные патріархи, бѣльшимъ соборомъ, какъ его обыкновенно называютъ, неправильно. Это не бѣльшій соборъ, а бѣльшій. Но бѣльшій соборъ, покончивши судебное дѣло, по поводу котораго онъ созывался, могъ потомъ, если былъ полнаго состава, заниматься и рѣшеніемъ всѣхъ другихъ уже общецерковныхъ имѣвшихся тогда дѣлъ т. е. изъ высшей судебной инстанціи онъ превращался въ истинный или настоящій соборъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Кантєревъ.
